

Шыйтан^{1*}

Спокойствие и тишина внутренняя – но никак не тишина внешняя, не должна, да и не может такая существовать в мире вне зависимости от места, времени и ситуации, даже если изуверские разумы попытаются – не заглушить им вовек своего дыхания и сердцебиения, - именно это полностью наполняло собой столь чудное и уединенное место в невысоких горах чуть ближе к северо-западной границе одной из многочисленных и, нужно сказать, довольно сильно меж собой конфликтующих провинций, столь распространенных на этой прекраснейшей из восточных окраин континента. Место, богатое реками, горными хребтами, пещерами и межгорными полянами, куда еще никогда не ступала нога не только смертных – бессмертным тоже не доводилось оказываться в таких местах, но на то и груз их ответственности за, собственно, статус, - никак не могло не стать настоящим разносчиком пагубной заразы – мудрости человеческой и надчеловеческой.

Что же конкретно такое должно создавать неповторимые естественные произведения искусства, кажущиеся невозможными к самопроизвольному проявлению? Кажется невозможным, да и, впрочем, не столь для нас явно необходимо пытаться найти конкретный источник замысла и силы, собравший ничто в идею, саму форму мысли, что позже, проходя через разнообразнейшие стадии падений, как обычно и бывает, разделились на все, что способно как летать, так и ползать, но при том оставаться частью

¹ 終天 (Шыйтэн)

Это сочетание может означать "весь день напролет", "вечно, постоянно", "всю жизнь". Первый иероглиф имеет кроме значений "оканчиваться", "умирать", "достигать конца жизни" еще и значение "целиком, всецело", а второй - "небеса", как буквально, так и метафизически, "день", "природа", а произошел от изображения персонификации неба.

единого, являясь обособленным и самостоятельным – скорее уж не конкретный мастер был ответственным за такое, а, коль уж угодно, целая ремесленная мастерская – великое Солнце, ослепительная Луна, миниатюрные хребты далеких гор, высокие заросли древней травы, обжигающие капли дождя, охлаждающие разум всего живого первые утренние лучики света – кто ответственность несет за то, что столь разные и имеющие неисчислимые формы проявлений вещи так тесно и дружественно меж собою связываются, будто ведомые кем-то или чем-то – и порождают саму гармонию. Сама суть этих вещей и одновременно им разрешает, и наказывает сосуществовать, ведь только неизменный и вечный закон гармонии и сама возможность дать им названия уже создают непрерывное и необъятное количество миров, миров столь же разнообразных, сколь и схожих. Но ни к чему многословность – рассмотрим же нашего конкретного героя.

Столь прекрасный, пусть и слегка одинокий горный хребет, не имел удовольствия лицезреть представителей рода человеческого – равнина, раскинувшаяся меж действительно высоких гор, не оставляла себе и шанса на покорение теми, кто еще не так давно все свои внутренние силы бросил только на то, чтобы из глубинной тьмы континента выйти к бесконечному и всеповерхностному океану – казалось бы, лучшему другу и злейшему врагу суши, которым, к счастью, взаимодействовать по-настоящему никогда не доведется – меж их отношениями всегда встrevает то песок, то ил, то какого-нибудь рода прибрежная живность, да хоть тот же человек – кто еще способен соединять разрозненные и разбросанные участки суши, противоборствующие бодрым солдатам-волнам моря через неразрушимый слой пешек-песчинок? Но появился способ разрешить этот извечный конфликт, постоянно

идущий между двумя сосредоточениями самих себя – оба они ополчились против нарушителя спокойствия, объединяющего материки с вечно пустующими и одинокими островами и разделяющего водные пространства, доселе неприступные, - и этим святотатством промышлять мог только человек.

Обратились бы мы, коль доступен нам был незримый источник всей истории сель чудного места непременно к нему самому непосредственно, но, не имея такой возможности в нашем распоряжении, лишь кратко отметим предположительную форму развития такого прекрасного места, проанализировав некоторые из доступных факторов – будь то высота горных образований, плодородность чудесных местных земель, неведомая, к счастью, варварским рукам цивилизационного рационализирующего механизма, или состав и внешний вид пещер и их богатейшего сокрытого наполнения – все еще нельзя будет ничего сказать о том, какие же объекты находились на этом месте до того, как здесь появилось все то, что было до этого – но нужно ли оно нам, в таком случае?

В разбавленной закатной красноте, разливающейся среди облаков, тускнеющих и расслаивающихся, сколь позволяет охват глаз, нам не услышать ни шороха перебивающих тишину воздушного пространства птиц, так прекрасных, как это обычно бывает с любым существом или явлением, в лучах уходящего под линию горизонта Солнца – найти в ней выйдет, при должной внимательности и наблюдательности, выходящей, разумеется, за всякие разумные и существующие пределы человеческого восприятия, разве что разнообразных насекомых – бесконечно появляющихся и исчезающих в мире, столь краткоживущих для животных

покрупнее – однако, не стоит забывать, что и крупнейшим зверям неведомы лета существования некоторых форм жизни примитивнее относительно возможности действий, но, быть может, не менее интересных по существованию в своей разнообразной совокупности – деревьев, некоторых кустов, – а затем и незримых и вечных для них самих, казалось бы, извечных и непобедимых легкою волною времени, сносящей, тем не менее, любые явления как таковые – горных хребтов, скал, песчаных берегов, островов – но и тут мы ошибемся, посчитав что-то за вечное и бесконечное – ибо такому не может быть места там, где вещи и явления все-таки существуют и проявляются для тех, кто вечностью не обладает уже по своей сути – быть может, не спроста заданной именно такой – ведь это, самой собой, должно побуждать к изменению своего такого положения, не должно давать опускать руки – сама мысль о недостижимой вечности хочет быть поставлена под сомнение и отброшена, так или иначе, пусть и разными путями – самой своей идеей вечная бесконечность и бесконечная вечность порождают к ним непреодолимое стремление и желание приблизиться, хотя бы немного приоткрыть завесу и разглядеть то, что, одновременно, обозначило бы несуществование всего здимого – ведь оно неечно, но при этом закрепило бы и утвердило его мимолетную красоту – все-таки и звездам суждено умирать и рождаться.

Вслед за состоянием закатным, наконец, следует непреодолимая свет времени ночного – обжигающая тьма, казалось бы, уже захватит все сущее – но спасает повернувшаяся каким-то из боков своего закругленного тела Луна, будто демонстрируя свою несовершенную грань тем, кому и неведомо, что сама грань – оптическая иллюзия, а самой Луне, в сущности, нет и не может быть дела до того, что разные ее положения для тех, кому суждено ее

созерцать, различают ее в глазах смотрящих – правда даже не всем суждено ее зреть – сие действие требует от живущего существа, для начала, дара свыше – созерцать сущее, и не созерцать как данность – созерцать как изменение, и не ошибется такой взгляд – действительно, разные бока золотистой Луны, отливающей своим пространства зrimые и достижимые, невидимые и недосягаемые, каждый раз уникальный, свой, и живущий по-своему – как и мир подлунный, казалось бы, независящий от столь далекого и неосозаемого земного тела – и невольно появляется у всякого наблюдающего вопрос, наблюдают ли непознаваемые лунные жители за ним самим, задаваясь теми же проблемами и вздыхая от такого же рода дилемм.

Скоропостижно приближается время к оживлению своей жизни после обволакивающей своей пустотой ночной поры – но не найти нам действительного противоборства в таком мире, лишь след кажущегося предстает перед нами, а сравнимо это, быть может, разве что со сменой некой стражи или охраны, хотя обманем мы сами себя, утверждая, что есть до нашего прекраснейшего из несчастных мест какое-то дело этим молчаливым и столь разным ликам, оберегающим мир поднебесный – ибо лишь небо всегда останется небом, тем самым бесконечным космосом, связующим звеном, не имеющим пределов и ограничений, одновременно не нуждающимся в своем существовании, но обладающий наполнением непременно; именно сдувающую неочевидной силой с тонких и зеленоватых листьев растений росу неосозаемую, но от этого не менее реальную солнечную волну, получает весь обозримый край – но мы то знаем, что и столь прекрасное явление небесного гиганта эгоистично убивает мрак только частично, сравнимо со всем мировым пространством – ибо не сможет

существовать свет, не приведи ему в жены тьму, подобно всем вещам, обязующихся от радостно гневного мироздания при своем появлении обзавестись братцем или сестрицей, дополняющих их в той же мере, в коль и создающих.

Наконец-то крошечный снизу, но неведомый издали, достаточно, конечно, нетерпимый к тому, чтобы быть созерцаем напрямую – если, конечно, безумцу не захочется на столь прекрасном созерцании обрести подлинное духовное зрение, не омраченного зрением феноменов материи – Солнечный герой достигает своей абсолютной, касательно, конечно, всех тех, кто находится под силой его охлаждающего чувства сияния – на деле, конечно, неинтересен ему даже тот факт, что может он вредить – в его бесконечной с точки зрения одаренных способностью воспринимать цветков поднебесного мира, тянувшихся к нему, впрочем, всем своим существованием и сердцем, не считая, быть может, лишь самых испорченных из них – по секрету сказать, то, к чему ведет их собственная тяга, ничем, кроме как неправильно понятным и весьма искаженным бесконечного и непреодолимого, даже сказать, непобедимого в ближайшей вечности Солнца, не является и ничем другим являться не может – даже тянувшиеся к Луне не могли бы обойтись лишь ею одной, ведь само ее существование обусловлено присутствием легковесного, относительно, конечно, омраченной вечности его существования, самого Солнца.

Близится же, теперь, само Солнце к состоянию перед закатом – но не скрылось оно еще, в отличие от того, что видено было нами ранее – являет оно всему миру свою последнюю волю, ниспосланную сыновьям его – ведь нет лучшего проводника в мир вечности и постоянности, чем его – и тем ироничнее тот факт, что и оно, такое

всемогущее, не сможет охватить всей поверхности того края, что так в его силах нуждается – невозможно ему, да и ни к чему, вести непрерывную передачу благ и радостей всему живому – ведь не было бы смысла в поддержке, если бы не ощущалась тягота ее отсутствия; сколько же прекрасны силы светила, столь приятно осматривающего то, что вскоре нагреется и наполнится столь яркой Луной, еще раз повернувшейся другим боком.

Итак, завершился этот цикл. Смог ли я от своей медитации обрести бессмертие, неуязвимость, быть может, особе состояние духа или какие-то небывалые силы? Получилось намного лучше – я ощутил саму вечность, этой вечности закон, и как зачастую бывает, лишь сильнее укрепился в том, что Соответствие и Подобия стоят над всем сущим в мере куда большей, чем хотелось бы принимать всем и так убежденно рассказывать.